

ДИАЛЕКТИКА ТРАДИЦИОННОСТИ И НОВАЦИОННОСТИ ГЕНДЕРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Гендина О.А.

ФГБОУ ВПО Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, Красноярск, Россия (660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89), e-mail: olga.gendina@mail.ru

В статье раскрывается диалектическая взаимосвязь между традицией и новацией в гендерной сфере. Общий вектор эволюции гендерных представлений и практик не сводится к простой смене патриархальной традиции эгалитарной новацией. Этот переход включает сложное переплетение разнонаправленных, порой даже противоположных изменений. В статье сопоставляются объективно обусловленные, появляющиеся стихийно, добровольно принятые самими людьми и искусственно конструируемые, агрессивно насаждаемые "сверху" гендерные идеи и формы поведения. Сделаны выводы о необходимости вдумчивого и бережного отношения к традиции, поскольку благотворная жизненность новации в принципе не может не опираться на общечеловеческое (проверенное опытом всего человечества) ядро традиции. Всякое же пренебрежение и тем более ее разрушение угрожает судьбе не только новации, но и самому существованию человечества.

Ключевые слова: гендерные представления, традиция и новация, патриархат, гендерная эгалитарность, женственность, мужественность.

DIALECTICS OF TRADITION AND INNOVATION OF GENDER IMAGES

Gendina O.A.

Krasnoyarsk State Pedagogical University n.a. V.P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia (660049, Krasnoyarsk, street A. Lebedevoi, 89), e-mail: olga.gendina@mail.ru

The article considers the dialectical relationship between tradition and innovation in the area of gender. The main vector of the evolution of gender images (representations) and practices can not be reduced to the simple replacement of the patriarchal tradition of egalitarian innovation. This transition involves a mix of differently, sometimes opposing changes. The article compares objectively determined, appearing spontaneously, voluntarily accepted by the people and artificially engineered aggressively, encouraged gender ideas and behaviors. The conclusions are about the necessary to thoughtfully and carefully treat to the tradition, because the vitality of beneficial innovation can't be based on universal (proven experience of all mankind) the core of the tradition. Any neglect and especially its destruction threatens the fate of not only innovation, but also the existence of mankind.

Keywords: gender images, tradition and novation, patriarchy, gender equality, femininity, masculinity.

Непростое время, в которое мы живем, можно смело назвать эпохой перемен. Вследствие стремительно меняющейся реальности и неспешающих за ней процессов осмысления изменений и перестройки мира. В связи с неотвратимостью и объективным характером изменений и под давлением становящейся новой действительности человечество переживает глубокий структурный кризис, затрагивающий все сферы социального бытия и общественного сознания. В числе наиболее значительных и стремительных социально-культурных сдвигов последних десятилетий, которые на фоне глобальных экономико-политических перемен переживает мировое сообщество, можно отметить преобразования, касающиеся сферы гендерных отношений, в числе которых важно различать: стихийно или сознательно, объективно или субъективно обусловленные, свободно избранные и исподволь навязываемые с помощью манипулятивных технологий.

Коренные изменения, которые вот уже около века претерпевает положение женщины

в обществе, рожают все новые и новые образцы гендерного поведения в быту и «на публике». Некоторые из них, приобретая массовость, постепенно трансформируются в поведенческие стереотипы отдельных социальных групп, а то и общества в целом. Отражаясь в общественном сознании, проходя через призму общественных фильтров в виде ожиданий, норм, идеалов, традиций, эти проявления новой реальности инициируют активное переосмысление гендерной концепции мира: изменяют, расширяют, обеспечивают подвижки в общепринятых представлениях о феминности-маскулинности, о возможном и желательном в отношениях между полами, о том, каковы признаки современных семейно-брачных отношений и в чем заключаются цели и задачи полового воспитания нового поколения.

В сложившихся условиях важное значение приобретает установление соотношения традиции и новации в сфере как гендерных представлений, так и гендерной практики, а также прогнозирование пути дальнейшей эволюции данной сферы, от которой во многом зависят и перспективы всего человечества. Цель данной статьи заключается в том, чтобы показать, что коллизия традиции и новации в сфере гендерных отношений представляет собой важную и самостоятельную проблему, обусловленную не только собственно гендерными реалиями, но и общими закономерностями общественного развития.

Современный этап развития общества, которому предшествовало начало комплексного макросоциального явления, объединяющего сексуальную, гендерную, семейную революции, можно охарактеризовать как «сейсмический социально-психологический сдвиг в отношениях полов» [4, с. 28], который во многом изменил и продолжает менять общественные взгляды на гендерные нормы, вопросы сексуального поведения, организации семейной жизни. Известно, что традиции (привычному и вызывающему доверие «старому») противопоставляется новация (то, что находится еще только в процессе становления и доказывает свою необходимость и жизненность). В контексте рассматриваемой нами проблемы соотношения традиционного и новационного в гендерных отношениях традицией является ориентация на патриархальность, а основной новацией, хотя уже и привычной современным поколениям, – эгалитарность. Уже нельзя не принимать во внимание вклад женщин в общественное производство, их растущую экономическую самостоятельность и, соответственно, перемены в женском образовании, воспитании и личностном самосознании, а также влияние данных процессов на умонастроения и взаимную оценку мальчиков и девочек. Большинство современных обществ признает, что без участия женщин полноценное социокультурное развитие всего человечества просто невозможно, и в связи с этим провозглашенный курс на эгалитарность, реализующийся в «легитимизации» равноправия полов в самом их разнообразном проявлении и истолковании как в области сознания, так и практики (и на общественном, и на

индивидуально-личностном уровне), представляется естественным, необходимым и обоснованным.

Однако в реальной действительности переход к эгалитарности совершается отнюдь не путем постепенного прогресса. Он в значительной мере усложняется разнонаправленными, порой противоположными по своему характеру явлениями в гендерной сфере (в частности, инерцией традиции, тенденциозными оценками новаций, а также другими привходящими обстоятельствами), вследствие чего порой деформируется до неузнаваемости. Так, в настоящее время можно констатировать появление все более разнообразных вариантов гендерного поведения и социального взаимодействия полов: от строгого следования отживающим жестко-патриархальным нормам или идеям крайне-радикального феминизма, и до своеобразной гендерной анархии, отрицания любых стереотипов и образцов. Отчасти такая ситуация может быть обусловлена невероятно высоким темпом преобразований – за несколько десятков лет в гендерной сфере произошли гораздо более значительные трансформации, чем за последнее тысячелетие. Гендерная проблематика оказалась тесно связана с проблематикой биоэтической [6; с.29].

Еще недавно существовала единственная точка зрения, согласно которой «мужское» и «женское» рассматривались через призму противопоставления, дифференциации. Все различия между мужчинами и женщинами считались врожденными, биологически обусловленными принадлежностью к тому или иному полу. С развитием социального и гуманитарного знания все больше исследователей стали обращать внимание на социальные причины этих различий. В частности, в фундаментальной работе Симоны де Бовуар «Второй пол» в качестве основы неравенства полов признается социальное конструирование половых различий через семантически-символическое воспроизведение характеристик маскулинности и фемининности в культуре, а также через процесс социализации, осуществляемый в контексте утверждения различного предназначения мужчины и женщины [2].

Действительно, процессы развития общества, в том числе связанные с социальной эмансипацией женщин, продемонстрировали, что особенности полового менталитета и поведения в весьма значительной степени определяются культурой. Именно с этих позиций можно понять и объяснить своеобразие норм и стереотипов поведения у людей одного пола, этноса и расы, но принадлежащим к разным социальным классам, сословиям, возрастным когортам, а также различающихся по уровню образования и относящихся к разным субкультурам. Таким образом, в рамках третьей волны феминизма, знаменующей появление критического направления внутри самого этого движения, формируется гендерный подход, расширяющий поле исследования концептов мужественности и женственности с учетом характеристик самых различных социальных общностей.

С появлением в научной литературе термина «гендер» прослеживается тенденция противопоставления его понятию «пол»: акцентируется роль общества, культуры в конструировании «мужского» и «женского» и тем самым на первый план выводится искусственность характера межполовых различий. Гендер, включающий в себя широкий спектр социокультурных характеристик человека, таких как поведенческие, речевые, ментальные, эмоциональные, статусно-ролевые и другие особенности, действительно превосходит по широте рамки понимания биологического пола. Однако попытки разделения и противопоставления этих понятий ошибочны. Печально известный эксперимент «John/Joan case» психолога и сексолога Дж. Манни опроверг его же теорию об изначальной гендерной нейтральности детей [9] – мальчик, потерявший в младенчестве половые органы и воспитываемый в течение нескольких лет как девочка, всем своим поведением отвергал чуждую своей природе гендерную программу и в итоге его мужской самоидентификации перестали препятствовать. Таким образом, можно заключить, что сам биологический пол предполагает определенные функциональные и поведенческие характеристики, обусловленные врожденными анатомическими, физиологическими, гормональными и генетическими особенностями организма. Примечательно, что такое понимание пола не противоречит гуманистической тенденции, признанию прав и свобод личности, на что намекают некоторые адепты крайне-радикальных идей. Биологическая природа не обязывает индивида реализовывать однозначную жизненную программу. Так, способность женщины к вынашиванию и рождению детей – это ее право, а не обязанность, что широко признается сегодня, в отличие от исторически более ранних патриархальных обществ.

Благодаря демократизации общественного сознания, у индивида появилось больше возможностей для личного выбора жизненной модели. В частности, это проявляется в либерализации половой морали, в росте толерантности общественного мнения по отношению к добрачным сексуальным связям, к гражданским бракам, к сознательному безбрачию мужчин и женщин, к меньшинствам с нетрадиционным сексуальным поведением. Подобные перемены в массовом моральном сознании находят отражение в изменении правового сознания и закрепляются в законодательстве разных стран (например, легитимизация браков гомосексуалистов и лесбиянок, усыновление и удочерение детей подобными семьями). Вне всякого сомнения, такого рода процессы можно характеризовать как следствие общей демократизации общества, роста свобод граждан независимо от их пола. Часть исследователей напоминает, однако, о необходимости согласовывать интересы отдельной личности с интересами общества (игнорирование которых делает беззащитными и большинство его членов).

Сейчас наблюдается смещение вектора гендерной проблематики. Если раньше в

качестве основных вопросов, требующих решения, признавались неравенство полов, принижение и недооцененность «женского», его подчинение «мужскому», то сейчас внимание общественности пытаются переключить на проблему обеспечения гендерного равноправия в его самом широком понимании. Однако толерантность и политкорректность, являющиеся логичным следствием демократизации общества, в последнее время приобретают на Западе все более странные формы. За фасадом лозунгов о человеческой свободе кроются попытки деконструкции гетеронормативности, гендерной бинарности и самого понятия пола, проявляющиеся на многих уровнях общественной жизни – на законодательном, в СМИ, в научной сфере и других. Обвиняя гетеросексуалов в привилегированном положении в обществе, представители меньшинств пытаются добиться не просто признания (которое уже обретено, по крайней мере, в западных, скандинавских и некоторых азиатских странах), но и исключительных прав, вплоть до вмешательства в образовательно-воспитательный процесс подрастающего поколения, которому, к слову, уделяется особое внимание. Некоторыми активистами, в частности политиками и исследователями ставятся, например, такие вопросы, как возможность снижения возраста «сексуального согласия», предоставления ребенку свободно распоряжаться своим телом, определяться самостоятельно со своей гендерной идентичностью, сексуальностью задолго до того, как он в состоянии это сделать с должной степенью понимания и ответственности. В качестве примера можно привести реформирование образования в ряде европейских стран, являющееся следствием проводимой на западе гендерной политики, легализовавшей однополые браки и усыновление/удочерение детей такими парами. В детских садах и школах вводятся обязательные уроки «сексуального просвещения», появляются новые детские сказки, в которых сообщается о гендерном и сексуальном многообразии общества. Взросление в подобной обстановке повсеместного намеренного насаждения определенных идей легко может привести к искаженной поло-ролевой самоидентификации и сопутствующим психологическим проблемам. Поэтому неудивительно, что многие родители не желают, чтобы их детям навязывали подобное понимание. Но нововведения не предполагают свободы выбора и за отказ от них предусмотрены санкции. Так, в Германии родителей, чьи дети не посещают уроки «сексуального просвещения», штрафуют [1].

Трудно не согласиться с выводом Л.Г. Ионина, что «...восстание меньшинств есть, по существу, восстание против морали» [5, с.228]. Скандальность и непристойность все чаще становятся атрибутами «новации» как в гендерной, так и в других социальных сферах (искусстве, политике). Теперь же, вследствие того, что трансформационный процесс свернул с пути позитивных преобразований в сторону деградации общества, логично обратиться к гегелевскому закону «отрицания отрицания», создающему картину «возвращения якобы к

старому» и проявляющемуся сегодня в выступлениях, акциях протеста в разных странах обычных граждан, выступающих против чрезмерной искусственной популяризации идей и поведения, навязываемых в рамках широкомасштабных кампаний гомо- и радикально-феминистической направленности. Примечательно, что к подавляющему большинству, разделяющему традиционные семейные ценности (традиционная организация семьи, воспитания детей отцом и матерью, а не «родителем № 1» и «родителем № 2» неопределенного пола [3]), примкнули и некоторые представители секс-меньшинств. В частности, известные итальянские модельеры Дольче и Габбана высказались против усыновления детей гомосексуальными парами, ссылаясь на воспоминания о собственном счастливом детстве в лоне традиционного семейного уклада.

Для выявления причин вышеупомянутых явлений в гендерной сфере целесообразно рассмотреть особенности формирования представлений в современном массовом сознании. Общественные взгляды зачастую складываются под воздействием объективных обстоятельств, жизненных ситуаций, личного опыта. Но также можно говорить о некоторой пассивности массового сознания, являющегося одной из форм общественного сознания, его реально-практическим воплощением. По словам Полюшкевич О.А., «массовое сознание крайне редко стремится выработать отношение к социальным или политическим, культурным или идеологическим явлениям и процессам» и «предпочитает получать его в готовом виде из СМИ, подготовленной и направляемой властями» [7; с.7]. Невозможно отрицать целенаправленное влияние на общественное сознание со стороны заинтересованных структур или групп. Явные перекосы, наблюдаемые сегодня в гендерной сфере, очевидно, действительно имеют политическую и идеологическую подоплеку.

Значимость складывающейся в настоящее время гендерной ситуации заключается в неоднозначности пути ее развития, проистекающей из борьбы двух характерных противоположных сторон любого переходного этапа, которому предшествует кризис соответствующей социальной подсистемы или же определенной модели общества. С одной стороны, отсутствие единых нормативных моделей гендерного поведения, размывание ориентиров и ценностей создают угрозу распространения нездоровых, деструктивных идей и форм их выражения, покушающихся на общечеловеческие основы традиционной гендерно-половой морали, направленных против естественных семейно-брачных отношений, основанных на гетеросексуальных связях родителей и их доминирующего воспитательного влияния на собственных детей, отношениях, являющихся необходимым условием воспроизводства человеческого рода, его существования и преемственности поколений в развитии человечества. При самом неблагоприятном исходе это может привести к осуществлению периодически озвучиваемых прогнозов об упадке культуры, а значит, и о

разложении, гибели общества в целом. И все-таки, по утверждению Рычковой Л.П., «мы имеем дело не с кризисом человека как такового» (о чем, например, говорится в постмодернистской философии Ж. Делёза, Ж. Дерриды, М. Фуко), «а всего лишь с кризисом его определенного исторического типа» [8; с. 155]. Тем более, что, с другой стороны, кризис всегда включает в себе возможности для качественно-позитивных, актуальных преобразований. Несоответствие укорененных в массовом сознании гендерных стереотипов, уже не отвечающих современным потребностям человечества, подтверждает исчерпание возможностей устаревающего социального порядка и запускает процессы активного поиска новых, жизнеспособных идей и форм гендерного мироустройства.

Для предупреждения первого сценария следует отличать объективные тенденции, появляющиеся стихийно, «снизу», «из народа», от той далеко не всегда здоровой, преднамеренно сконструированной «инновационности», которую навязывают определенные заинтересованные силы. Резкий отрыв от традиции, «потеря корней» чревата усугублением сложности переходного периода. Сейчас мир остро нуждается в гуманистическом преобразовании, и добиться этого возможно путем постепенного эволюционирования традиции, путем сбережения лучшего из уже существующего.

Таким образом, даже беглый анализ содержания и предпосылок коллизии между традиционным и новационным в гендерных представлениях показывает, что решение проблемы требует учета широкого круга экономических и политических факторов, предполагает выход за рамки собственно гендерных реалий.

Список литературы

1. Барынкин Е. "Гендер для всех" и права родителей. Состояние дел в Европе [Электронный ресурс] // РВС. – URL: <http://r-v-s.su/news/2014/gender-dlya-vseh-i-prava-roditeley-sostoyanie-del-v-evrope> (дата обращения: 07.06.2015).
2. Бовуар С. де. Второй пол. – М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. – 832 с.
3. Джоджуа Т. Франция отказывается от отцов и матерей [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 25.09.2012. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2030189> (дата обращения: 07.06.2015).
4. Зальцман М., Мататиа А., О' Райли Э. Новый мужчина: маркетинг глазами женщин/ пер. с англ. А. Стативки. – М.: ИД «Коммерсантъ»; СПб.: ИД «Питер», 2007. – 352 с.
5. Ионин Л.Г. Восстание меньшинств. – М.: СПб.: Университетская книга, 2013. – 237с.

6. Минеев В.В. Смысл биоэтики: дилеммы инструментализма и метафизики в постижении живого // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2014. – № 3 (29). – С. 28–31.
7. Полюшкевич О.А. Основы анализа гендерной специфики социальных представлений: учеб. пособие. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. – 149 с.
8. Рычкова Л.П. Проблема предмета антропологии как отражение кризиса современного человека // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2013. – № 3 (25). – С. 151–156.
9. Nature vs. Nurture [Электронный ресурс] // Intersex: born this way. – URL: <https://sexesandgenders.wordpress.com/nature-vs-nurture> (дата обращения: 10.06.2015).

Рецензенты:

Викторук Е.Н., д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, г. Красноярск;

Минеев В.В., д.филос.н., профессор кафедры философии и социологии Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, г. Красноярск.